

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОСТМОДЕРНА

Постмодерн – это наименование состояния социума в информационно-технологическую (постиндустриальную) эпоху. Социум представляет собой комплекс отношений, качество которых определяется качеством человеческой природы (сущности). Она не является неизменной, однако все ее варьирования происходят в пределах сознательно-психико-телесной (духовно-социально-биологической) парадигмы. Содержательный и доминирующий компонент сознательно-психико-телесного (духовно-социально-биологического), или философского антропологического типа – сознание, формальный и подчиненный – психико-телесное единство.

То или иное состояние социума формируется преобладающим антропологическим типом. Таковым всегда был и остается не носитель сознания – сознательно-психико-телесный (духовно-социально-биологический) тип, которому соответствует персонцентрический социум, а носитель коллективного бессознательного – психико-телесный (социально-биологический) тип, в котором природа человека типологически не реализует свой потенциал и которому соответствует социоцентрический социум. Содержательным и доминирующим компонентом психико-телесного (социально-биологического), или обывательского антропологического типа является вербализованная психика (коллективное бессознательное), формальным и подчиненным – телесность.

Каждое значимое изменение в природе человека сказывается на качестве отношений, т. е. на состоянии социума. Вместе с тем социум, уже как отчужденная от человека, внешняя (автономная) по отношению к нему инстанция, воздействует на его природу. Доминирующую роль в этом взаимном влиянии играет природа человека, а состояние социума является производным от нее.

Состояние социума представляет собой воплощенную в отношениях природу человека, точнее, воплощенное в отношениях доминирование того либо иного антропологического типа. Постмодерн, или информационно-технологический (постиндустриальный) капитализм, выражающий доминирование психико-телесного антропологического типа, является формой социоцентрического социума и репрезентирует современную стадию развития коллективного бессознательного и его телесной основы.

Выражаясь метафорически, Постмодерн – это мы. В эпоху Постмодерна отчуждение человека от созданного им социума доходит до высшего в истории предела, и этот процесс подавляющее большинство людей трактуют с мистической точки зрения, естественной для носителей

коллективного бессознательного. Мистицизму свойственно наделять познавательной способностью неантропологические инстанции, поэтому он не позволяет понять и преодолеть постмодерновое отчуждение, а, наоборот, является его формой и, соответственно, усугублением. Позитивистская установка на фактографическую точность дает такой же эффект, поскольку главный факт, с которым не может совладать позитивизм в любой его модификации, – методология организации явлений в сущность. В этом смысле всякий позитивизм, включая идеологию Постмодерна – постмодернизм, оказывается разновидностью мистицизма, верой во всемогущество факта вместо понимания сущности.

Агностицизм солидарен с магистральным постмодернистским тезисом о множественности истины, конституирующим гносеологический произвол. Множественность в ее гносеологическом аспекте не является качественно однородной, а представляет собой структурированную истину (универсальной сущностью) иерархическую целостность, элементы которой отличаются друг от друга степенью их приближенности к истине. Истина тотальна (универсальна); она множественна по форме и единична по содержанию. Несовершенной формой истины является ее противоположность – заблуждение. Поэтому тезис о множественности истины оказывается утверждением об истине, поглощенной дурной бесконечностью заблуждений.

Не понимая, что такое истина, агностики занимаются поиском доказательств ее существования, используя метод погружения в дурную бесконечность, т. е. фактографический (описательный) метод, применение которого гарантирует перманентную недостаточность доказательств. Это совершается под позитивистским предлогом научной беспристрастности и становится особого рода игрой, маскирующей старое как мир упование на ответственность мистической инстанции (божества) за решение гносеологической проблемы.

Мистическими являются любые трактовки Постмодерна и связанного с ним отчуждения, которые опираются на доминирующий регулятив человеческой психики (коллективного бессознательного). Психико-телесная природа человека не позволяет ему осуществлять познание, мыслить. Она выступает инструментом бессознательного преобразования действительности и бессознательного приспособления к ней.

В эпоху Постмодерна противоречие между гносеологической ограниченностью представителей психико-телесного антропологического типа (обывателей) и последствиями антропогенной деятельности достигает беспрецедентной остроты. Оно активизируется на обоих возможных для обывателей уровнях – биологическом и социальном.

В первую очередь необходимо сказать о проблеме генного старения, негативное воздействие которого особенно ощутимо в период Постмодерна.

Соотношение «отцы и дети» является противоречивым не только социально и духовно, но и биологически. Сетования стариков всех времен на молодежь имеют менее очевидную основу, чем психологическая: зависть, чувство незащищенности и т. п. Дело в том, что с каждым поколением человечество генетически стареет. Филогенетически родители моложе детей, хотя онтогенетически, как известно, все обстоит с точностью до наоборот.

Каждое последующее поколение людей – носители более старых генов, нежели их предки, такова диалектика молодости и старости. Парадоксальным это утверждение может показаться тому, кто, не видя разницы между обновлением и омоложением, подменяет первое понятие вторым. У детей по сравнению с родителями гены обновляются, но не омолаживаются, а стареют. Будь иначе, мы имели бы право объявить об открытии вечного двигателя биологической эволюции и, кроме того, о мистическом характере биологической преемственности между индивидуальным и общим аспектами человеческого существования.

Генное старение человека оборачивается активизацией сбоев, имеющих генную природу: снижением конструктивной и повышением деструктивной креативности, ослаблением контроля над технологическими комплексами, ростом правовой и этической невменяемости, наркомании, психических заболеваний, гомосексуализма и другими симптомами вырождения. Катализатором этих негативных явлений выступает постоянно увеличивающийся разрыв между прогрессом цивилизации и возможностями психико-телесного антропологического типа. В итоге у новых поколений уже не хватает сил отвечать за свое существование и полноценно обеспечивать его.

Между тем постмодерновый социум продолжает активно прогрессировать. Приспособление к нему еще больше усложняется, и трудности, связанные с генной деградацией человечества, усугубляются. Где же выход? Прекращение либо ослабление социального прогресса губительно, поскольку его интенсивность обусловлена потребностями эволюционного развития человека и социума, которые одновременно являются потребностями их выживания. В связи с этим обнаруживают свою несостоятельность и средства осуществления социального прогресса, которые применялись в предшествующие периоды истории. Отсюда вытекает необходимость квалифицированного вмешательства в человеческую природу на генном уровне. Нужно отдавать себе отчет в том, что эволюция *homo sapiens*'а на основе эксплуатации природного потенциала исчерпала свой ресурс в том числе и по генному параметру и в дальнейшем может происходить только за счет собственно антропологических факторов, в первую очередь и главным образом – за счет сознания.

Идеология постмодернизма, доминирующая в современном

буржуазном социуме, проповедует толерантность по отношению к последствиям генного старения, тем самым капитулируя перед этой проблемой еще на стадии ее постановки. Неразумно и, значит, негуманно уничтожать генных маргиналов либо изолировать их от общества, как это делалось на протяжении человеческой истории. Но и не оказывать гуманистически мотивированного влияния на их существование, как поступают носители идеологии постмодернизма, неразумно, потому что терпимое отношение к генным маргиналам, нетолерантным по своей природе, чревато их засильем и деградацией человека и социума по лавинообразному сценарию. Содействие разрушительным процессам такого рода в условиях Постмодерна осуществляется через механизм демократии и заключается в переходе от утверждения прав меньшинств к диктату некомпетентных меньшинств над некомпетентным большинством.

Полагаться, как в прежние эпохи, на положительный результат естественных генных мутаций тоже крайне рискованно. Ведь чем старше гены, тем выше вероятность их окончательного выхода из режима обеспечения жизнеспособности. Так что императивом выживания становится квалифицированное вторжение человека в собственные генные структуры. При этом необходимо предотвратить опасность генной унификации, в частности, гарантировать сохранение маргинальной составляющей генофонда, которой следует дорожить как степенью свободы и неотъемлемой частью витального ресурса.

Важно отметить, что в эпоху Постмодерна возникает реакция на проблему генного старения, однако эта реакция носит стихийный, бессознательный характер. Речь идет о генной инженерии и ее радикальной форме – клонировании. Их появление не было случайным. Открытия в научно-технологической области не являются опережающими. Они представляют собой ответ на трансформации в потребностной сфере. Для человечества постоянно актуальной остается потребность выжить. Ее обострение свидетельствует о наличии серьезных экзистенциальных проблем. Поэтому генная инженерия и клонирование содержат в себе прежде всего не угрозу нашему существованию, а ответ на нее. Они являются ценнейшими компонентами витального арсенала человечества, шансами продлить ему жизнь.

Кто знает, смогут ли будущие поколения людей давать здоровое потомство и размножаться естественным способом, сформировавшимся в процессе биологической эволюции? Если не смогут (рано или поздно это все равно произойдет), то их выживание будет зависеть от включения в природную эволюционную цепочку антропогенных механизмов как определяющих. Поэтому не стоит приписывать мистические свойства генам и тем, кто с ними работает: первые – не больше чем гены, вторые – не больше чем люди.

Почему же сегодня отношение к генной инженерии и клонированию

скорее отрицательное, нежели положительное? Потому что последствия использования генноинженерных технологий могут оказаться катастрофическими? Такая опасность есть, однако она исходит не от результатов человеческой деятельности, которые равно применимы к добру и злу. Человек эпохи Постмодерна боится самого себя, вернее, собственной психико-телесной природы, бессознательной и поэтому рискованно непредсказуемой. Оставаясь таковой, она является главным дестабилизирующим фактором для био- и антропосферы.

Но представители доминирующего в постмодерновом социуме психико-телесного антропологического типа в принципе не способны обнаружить, в чем заключается сущность их антропологического несовершенства. Вместо понимания ситуации они культивируют амбициозность, основанную на самомнении и самодовольстве. Поэтому в условиях Постмодерна ответом на вызовы времени становится концентрация ресурса вербализованной психики, т. е. старый знакомый механизм коллективного бессознательного. На социальном уровне этот антропологический процесс предстает в виде глобализации.

Поскольку глобализация есть человеческий и новый феномен, она связана с природой человека и является следствием современного этапа ее развития. Человечество тяготеет ограниченными возможностями своей психико-телесной природы. Однако оно продолжает эксплуатировать привычный – психико-телесный – антропологический арсенал, в эпоху Постмодерна доводя эти усилия до критической черты, что и оборачивается глобализацией.

В чем корни глобализации?

На протяжении прошедших веков, на сегодняшний день и на неопределенную перспективу доминирующим типом человеческой деятельности является хозяйственная (хотя должна быть познавательная). Производя продукты и товары, люди обращают внимание лишь на непосредственные цели своей хозяйственной деятельности и не видят сущности производимого ими. А здесь есть над чем задуматься. Формально продукты и товары многочисленны и разнообразны. Но содержательно их дурная бесконечность является одним продуктом и одним товаром – идеологией (методологией психического манипулирования, в конечном счете – власти), сущность которой состоит в представлении об абсолютно доминантном статусе вербализованной психики (коллективного бессознательного). Идеология является целью всех операций с продуктами и товарами, а их многочисленность и разнообразие создают инфраструктуру идеологии.

Каждый продукт и каждый товар, как минимум, опосредованно идеологичен. Следовательно, самым ценным продуктом и самым дорогим товаром оказывается идеология как таковая, в пределе – идеология, максимально апологетичная по отношению к человеческой психике и

поэтому максимально нетолерантная по отношению к сознанию. Наиболее адекватен этому критерию постмодернизм. Оптимально соответствуя витально-приспособительной сущности человеческой психики, он представляет собой исчерпывающую реализацию гносеологического потенциала представителей психико-телесного антропологического типа.

Постмодернизм, несмотря на декларирование им своей деидеологизированности, является идеологией вербализованной психики (коллективного бессознательного) – высшей из возможных форм идеологии. В постмодернизме идеология достигает своего завершающего этапа, и ее дальнейшее совершенствование в собственном качестве осуществимо не в диапазоне между низкими и высокими уровнями вербализованной психики, а лишь в асимптотически сужающемся промежутке между психикой и сознанием.

Таким образом, глобализация, отражающая социальный и духовный облик Постмодерна, содержательно представляет собой интеграцию ресурса вербализованной психики под эгидой идеологии постмодернизма. Будучи таковой, глобализация обнаруживает тоталитарную сущность капитализма и постоянно обостряет тоталитаристские тенденции в его развитии.

Важнейшей из них является феминизм – социальный феномен, воплощающий идею превосходства женского пола над мужским, которая в свою очередь представляет собой авангардный компонент постмодернизма. Феминистская идеология, как и любая другая, есть продукт коллективного бессознательного и, следовательно, продукт деиерархизации. Сторонники феминизма отрицают наличную межполовую иерархию, которая означает доминирование мужского пола над женским прежде всего по главному антропологическому критерию – познавательному. Тем самым они игнорируют сознание как сущностный антропологический атрибут и фактически заявляют об умственном превосходстве женщины над мужчиной.

Почему идея гендерной деиерархизации приобрела особую актуальность именно в эпоху Постмодерна? Ответ снова находится в сфере развития природы человека. На протяжении истории мужчины не становятся ни хуже (глупее), чем были, ни хуже (глупее) женщин. Наоборот, они становятся лучше (умнее) себя прежних и остаются лучше (умнее) женщин, которые вслед за мужчинами, точнее, в подражание им, также становятся лучше (умнее) себя прежних. Однако пока эволюция мужского пола происходит в рамках ментально женской (психико-телесной, социально-биологической, витальнопотребностной, обывательской) парадигмы, в конце концов должен наступить момент, когда реализация женского потенциала достигает своей полноты, а возможности мужского пола остаются принципиально нераскрытыми, что создает иллюзию превосходства женщин над мужчинами. Этот момент знаменует собой

приход эпохи Постмодерна.

Стимулятором феминистской идеологии является противоречие между резким увеличением объема информации в условиях Постмодерна и ментально женским (бессознательным) методом ее обработки, наличествующим у всех женщин и почти у всех мужчин. Ментально женский метод оперирования информацией позволяет справляться с ее малыми объемами при помощи формальной логики, а с большими – при помощи алогизма. Поэтому в период Постмодерна роль алогизма как инструмента оперирования информацией постоянно возрастает (соответственно повышается социальная значимость женщины, для которой алогизм более приемлем, чем для мужчины). Таким путем образуется гносеологическая структура постмодернизма и его главной формы – феминизма.

Подводя итоги, необходимо отметить, что Постмодерн, как и все предыдущие периоды развития человечества, использует стратегию отсроченного антропологического апокалипсиса. Альтернативой столь шаткой стратегии является переход к сознательному регулированию человеческой жизнедеятельности. Но это уже проблема качественной эволюции природы человека – эволюции, на которую имеется экзистенциальный запрос, хотя ее перспективы пока нельзя назвать обнадеживающими.

25. 10. - 2006 г. – 01. 12. - 2007 г.